

Дик Антон Артурович

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА В РККА 1920-Х ГОДОВ – ВОСПИТАНИЕ "СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА" (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена исследованию основных форм и направлений проведения воспитательной работы в частях РККА первого "советского" десятилетия. Автор рассматривает приёмы проведения военной и политической пропаганды, антирелигиозной и комсомольской агитации, распространения медицинских и сельскохозяйственных знаний. В статье выявлены существенные проблемы и недостатки воспитательной работы. Благодаря анализу красноармейских и крестьянских писем делается вывод об изменениях менталитета красноармейцев, о степени и причинах успешности агитационной и воспитательной работы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/13.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 64-70. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Власть труда. 1925. 12 февраля.
2. Горобец А. А. История РПЦ в Северной Осетии (1917-1924 гг.): автореф. дисс. ... к.и.н. Владикавказ, 2004. 24 с.
3. Горская правда. 1922. 20 марта.
4. Горская правда. 1922. 21 марта.
5. Горская правда. 1922. 26 марта.
6. Горская правда. 1922. 3 мая.
7. Горская правда. 1922. 4 мая.
8. Горская правда. 1922. 6 мая.
9. Горская правда. 1922. 8 мая.
10. Горская правда. 1922. 9 мая.
11. Горская правда. 1922. 10 мая.
12. Горская правда. 1922. 26 мая.
13. Захарова Л. Б. Патриарх Тихон и духовенство в 1921-1922 гг. как защитники Русской Церкви и православных традиций // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10. Ч. 1. С. 89-91.
14. Канукова З. В., Хубулова С. А. Религия в истории и культуре поликонфессионального города. Владикавказ, 2006. 217 с.
15. Лобанов П. П. Патриарх Тихон и советская власть (1917-1925 гг.). М., 2008. 341 с.
16. Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917-1945. М., 2007. 218 с.
17. Слезин А. А. За «новую веру»: государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). М., 2009. 224 с.
18. Хубулова С. А. Весь мир – мой храм. Владикавказ, 2005. 163 с.
19. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-41. Оп. 1.
20. ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 2.
21. ЦГА РСО-А. Ф. Р-56. Оп. 2.
22. ЦГА РСО-А. Ф. Р-94. Оп. 1.
23. ЦГА РСО-А. Ф. Р-160. Оп. 1.

CHURCH VALUES CONFISCATION IN VLADIKAVKAZ IN 1922

Dzebisov Aslan Timurovich

North-Ossetian State University named after K. L. Khetagurov
dzebisov.aslan@yandex.ru

The article is devoted to the relations between the state and the Church at the beginning of the 1920s. One of the main events during this period was the campaign on church values confiscation in connection with famine in 1921-1922. The author introduces a number of new documents, which is important for further research in this sphere, into scientific circulation, it also allows determining the position of the campaign on church values confiscation in the religious policy of the Soviet power as a whole, studying the forms of the clergy and believers' reaction to the confiscation, and estimating the campaign on church values confiscation in Vladikavkaz.

Key words and phrases: religion; confiscation; clergy; values; parishioners; utensils.

УДК 93; 355

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию основных форм и направлений проведения воспитательной работы в частях РККА первого «советского» десятилетия. Автор рассматривает приёмы проведения военной и политической пропаганды, антирелигиозной и комсомольской агитации, распространения медицинских и сельскохозяйственных знаний. В статье выявлены существенные проблемы и недостатки воспитательной работы. Благодаря анализу красноармейских и крестьянских писем делается вывод об изменениях менталитета красноармейцев, о степени и причинах успешности агитационной и воспитательной работы.

Ключевые слова и фразы: агитация; политическая пропаганда; комсомольская пропаганда; политическая активность; красноармейские письма.

Дик Антон Артурович, к.и.н.

Тамбовский государственный технический университет
dick_an@mail.ru**АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА В РККА 1920-Х ГОДОВ – ВОСПИТАНИЕ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА» (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)®**

Красная Армия являлась наиболее удобным для государства институтом для агитационно-пропагандистской работы. Изоляция в течение нескольких лет, замкнутая армейская среда, общество сверстников, дисциплина и одинаковый быт постепенно превращали массу призывников в послушных солдат.

На заседании Тамбовского губернского комитета ВКП(б) отмечались принципы агитационной работы в гражданскую войну и после неё. Так, содержание агитационно-пропагандистской работы в Красной Армии в период гражданской войны определялось боевой обстановкой, на которую, так или иначе, приходилось реагировать партии как со стороны её гражданских организаций, так и в особенности военных. Различные моменты гражданской войны, победы и поражения, голод, растущая разруха и т.д. – всё это требовало соответствующего воздействия на рабоче-крестьянские и красноармейские массы со стороны партии, что определяло содержание агитационно-пропагандистской работы. Характеризуя то, чем определялось содержание агитационно-пропагандистской работы, в докладе делался вывод, что оно определялось агитационными моментами, возникающими перед партией в связи с той или иной переменной во внутреннем или во внешнем положении страны. Это не давало возможности построить агитационную работу сверху донизу по строго определённой системе. Отсюда, как отмечалось, был организационный и программный разнобой не только в масштабе округов, армий, дивизий, но и полков. Агитационная работа по прошествии гражданской войны ухудшилась. Ликвидация фронтов и бандитизма и переход в связи с этим армии на стационарное положение, сокращение армии, уход из неё в бессрочный отпуск по увольнению красноармейцев, закалённых перенесёнными тяготами войны, и замена их рабоче-крестьянской молодёжью, смена командного состава – всё это выдвигало целый ряд задач, требующих своего оформления в строгую систему и единого содержания в масштабе РККА [3, д. 2245, л. 6].

Армейская агитационная работа, начинавшаяся для юношей ещё с допризывной подготовки, в армии продолжалась с ещё большей интенсивностью. Содержание агитационно-пропагандистской работы включало в себя политическую пропаганду, пропаганду спорта и гигиены, культурную работу и т.д. Но одной из основных, конечно же, была военная пропаганда. Этот вид пропаганды сопровождал красноармейцев весь период службы и ставил перед собой довольно обширные задачи. Так, в феврале 1922 года по частям 10-й стрелковой дивизии был распространён приказ, определяющий задачи военной пропаганды. В соответствии с этим приказом командирам предписывалось: осуществить связь красноармейца с военной частью, сроднить его с ней, чтобы красноармейцы гордились своей частью, поддерживали честь и достоинство части и Красной Армии в целом. Следовало развить и всячески укрепить дисциплину и исполнительность, воспитать храбрость и стойкость, чувство товарищества, жажду подвигов и энергию в преодолении препятствий. Также в пропагандистских целях следовало обратить внимание на постановку оркестров и хорового пения в частях. В области гигиены следовало научить поддерживать чистоту помещений и собственного тела. С целью обеспечения сохранности армейского имущества красноармейцев учили содержать и хранить в полном порядке обмундирование, оружие и всякого рода имущество РККА. Особенное внимание обращалось на сбережение винтовки, попутно воспитывалась любовь к оружию, прививалось и развивалось щегольство оружием и ловкость в обращении с ним. Физическое состояние бойцов укреплялось путём постановки и регулярного ведения гимнастики. Войсковым частям предписывалось установить контакт с местными спортивными организациями, организовать в кратчайший срок гимнастические городки, организовать спортивные игры в ротах и командах [Там же, д. 1806, л. 9].

Для достижения успехов в деле военной пропаганды в качестве стимула применялись всевозможные поощрения и награды. Их спектр был достаточно широк, так в 14-й кавалерийской дивизии, в казарменных помещениях вывешивались списки отличившихся красноармейцев, с указанием наград, одновременно вывешивались и списки красноармейцев, подвергнутых взысканиям. Эти списки объявлялись на вечерних переключках. Отличившимся объявлялась благодарность в приказах по части, одновременно, по возможности, публиковались имена отличившихся в местной и красноармейской печати. Практиковалось награждение различного рода подарками с объявлением в приказах и опубликованием в печати. Для подарков был установлен особый фонд из средств, отчисляемых шефами частей и прочих поступлений. В казарменных помещениях и клубах были помещены почётные доски со списками награжденных красным знаменем и их фотографии [Там же]. Все эти методы стимулирования красноармейцев могли применяться для достижения более эффективных результатов воспитания бойцов и вносили в процесс службы соревновательный элемент. Поощрения могли быть применены к красноармейцам, содержащим в образцовой чистоте оружие, обмундирование, снаряжение, за примерное знание и исполнение караульной службы, за образцовый и длительный уход за лошадью и даже за образцовое приготовление пищи [Там же].

Пропагандисты старались добиться правильного, соответствующего духу времени и политике партии понимания происходящего в стране и мире. Например, в частях 10-й стрелковой дивизии проводились беседы с целью объяснения красноармейцам международного положения, при этом наглядно выявлялись «корыстно-угнетательный», «провокационный» и «насильственный» характер поведения врагов государства и, напротив, величайшую уступчивость советского режима. В пример этого приводились такие факты, как «Рижский мир» и готовность признать царские долги [Там же]. Таким образом, у каждого красноармейца формировалось мнение на происходящие события, которое он считал единственно правильным; одновременно с этим вытеснялась система ценностей, с которой боец пришёл в армию.

Политическая агитация осуществлялась во время специальных занятий, называемых политическим часом. Политчас проводился либо в форме лекционных занятий, либо в форме политбесед [Там же, д. 2245, л. 6]. Последняя форма была наиболее эффективной, так как была более доходчивой и близкой к аудитории и позволяла красноармейцам задавать больше вопросов. Однако такая форма проведения политчаса требовала от политрука хорошего владения темой, что не всегда было возможно.

На пути агитаторов и пропагандистов стояло много проблем. Одну из них обозначал в 1923 году губернский комитет ВКП(б), вместе с тем показывая методы и цели проведения политпросвещения. Докладывая

о содержании, формах и методах агитационно-пропагандистской работы, он писал, что если содержание программы «основы политграмоты» давало всё, что можно предъявить к политическому развитию красноармейцев, то внедрение её в его сознание страдало от недостатка времени и нерационального его использования. Утверждалось наличие слабой подготовки политруков и отсутствие у них методических навыков, в доказательство чего приводились материалы проверки, по итогам которой имелся значительный процент красноармейцев слабо усвоивших основы политграмоты [Там же]. Вторая проблема была связана с конфликтом между политическими агитаторами и командным составом всех воинских формирований, сугубо из военных. Дело в том, что многие, привыкшие к военной муштре командиры не понимали или недооценивали назначения политической агитации. Так, в 1923 году в частях 14-й Майкопской кавалерийской дивизии заметно были сокращены политработы за счёт строевых занятий, тогда как военкомы полков не только не принимали со своей стороны мер по прекращению стремления комсостава захватить время, отведённое политработе, но и поощряли это [4, д. 1, л. 104].

В начальный период существования Красной Армии на службе находились бывшие офицеры царской армии, перешедшие на службу к «красным». Однако к этой части воинов зачастую относились с подозрением и поручать им идеологическую работу, не будучи уверенным в их политических воззрениях, командование опасалось. Офицерский состав с «чистой», не запятнанной служением сверженному режиму репутацией, и политруки не отличались высоким уровнем образования и культуры. Это обстоятельство постоянно влекло за собой проблемы, связанные с качеством агитационно-пропагандистской работы, несмотря на стремительное наращивание аппарата работников армейской пропаганды.

Как полагал М. В. Фрунзе: «Дисциплина в Красной Армии должна базироваться не на страхе наказания и путем принуждения, а на сознательном исполнении каждым своего служебного долга, и первый пример такой дисциплины должен дать командный состав» [12, с. 106]. Но на этот пример при существовавших реалиях не приходилось надеяться. Хотя армейские пропагандисты нередко отмечали произошедшие положительные изменения в армии и разницу между старой и новой армией, действительное состояние нравственной жизни в армии не было много лучшим. Так, на закрытом общем собрании членов РКП(б) 57-го Ржевского полка 19-й стрелковой дивизии говорилось о ругани, которая, по мнению одного из докладчиков, являлась наследием рабства, с коим следовало покончить раз и навсегда. Он утверждал, что в Красной Армии это явление недопустимо, так как она является авангардом рабочих и крестьян. Но тут же в заключение он советовал всем членам и кандидатам РКП(б) изжить ругань из своей среды [3, д. 1921, л. 55]. В этом же полку в 1923 году был исключён из партии политрук за употребление самогона в присутствии красноармейцев во время следования на манёвры [Там же, л. 4].

Одним из ведущих направлений агитационно-пропагандистской работы была антирелигиозная пропаганда. Большинство крестьян было воспитано в религиозной среде и могло враждебно воспринять все нападки на религию, что вызывало особый ненавязчивый характер этого вида агитации. Отдельного занятия под названием «антирелигиозная пропаганда» могло и не быть, но в то же время она пронизывала все сферы пропагандистской деятельности. Например, в 14-й Майкопской кавалерийской дивизии посещаемость политчасов была низкой, а антирелигиозная пропаганда как отдельный вид пропаганды вообще отсутствовала. Но политпросветработник полка все виды школьной и нешкольной пропаганды пронизывал антирелигиозной агитацией, хотя, как отмечалось, не всегда умело [4, д. 2, л. 173]. Также в 1923 году в частях Майкопской дивизии во время пасхальных праздников была проведена агиткампания по борьбе с алкоголизмом, во время которой показывалась разница между христианскими праздниками, с их якобы пьянством и разгулом и революционными торжествами [Там же, л. 47]. Надо заметить, что положительную роль в вопросах агитации должна была сыграть общая армейская обстановка, в которой воспитывалась своеобразная мораль и «кодекс» бойца. Носителями такой морали и образцом для подражания становились старослужащие и комсомольцы. Примером выделения армейской среды как воспитательного инструмента могут служить слова из доклада об агитационной работе в частях 14-й Майкопской дивизии о том, что как положительный результат нужно отметить в полку наличие общественного мнения, по которому ношение на груди крестиков считалось недопустимым явлением в красноармейской среде [Там же, л. 173]. Такая антирелигиозная среда приносила свои плоды; был случай, что в 79-м кавалерийском полку на красноармейском собрании при выборах красноармейцы отвели кандидатуру своего товарища, мотивируя это тем, что он верил в Бога [3, д. 2561, л. 73].

Для воспитанных в религиозной среде крестьян-красноармейцев, духовная сфера всё равно оставалась чем-то интимным, связывающим с домом. Поэтому при давлении антирелигиозной пропаганды часто удобным для себя они считали притвориться тем, кем его хотели бы видеть командиры, надеть своеобразную маску. Иногда такое лукавство замечалось политруками. Например, в частях 14-й Майкопской дивизии политруки отмечали, что хотя большинство красноармейцев снимало кресты, они их спрятали в свои сундучки [Там же]. Сундучки, привезённые из дома, были для красноармейцев как бы материальным воплощением того мира на гражданке, воспоминанием о нём, в котором они хранили самое близкое, личные вещи.

Кроме политической пропаганды, существовала комсомольская пропаганда. На IX дивизионной партийной конференции в 1924 году были обозначены тезисы о работе КСМ в армии. Так, задачами комсомольской работы в армии должны были стать:

- а) коммунистическое перевоспитание красноармейской молодёжи;
- б) военно-политическая обработка молодёжи [4, д. 6, л. 258].

Одна из важнейших задач коммунистического союза молодёжи, так сказать, задача-максимум, была определена как вербовка в свои ряды почти 100% рабочей молодёжи. Наибольший размах эта работа должна

была принята в спецчастях, наиболее насыщенных рабочим составом. Но отнюдь не меньшее значение она имела в остальных частях, ибо здесь при преобладании крестьянского состава она носила характер непосредственного обеспечения пролетарского влияния среди красноармейцев и комсомольцев. Ещё одной задачей было вовлечение в ряды комсомола бедняцких и середняцких крестьянских элементов. В отношении красноармейцев из числа интеллигенции и служащих, при приёме их в КСМ были поставлены ещё более жёсткие рамки, чем при приёме в гражданские организации. Комсомольцы объясняли это тем, что действительно советски и коммунистически настроенные элементы из этой группы имели возможность при желании вступить в КСМ ещё в школе или вузе [Там же].

Крестьянин, связь которого с семьёй была нарушена, чувствовал ответственность за оставленных дома родных. Дело даже не в том, что нарушилась связь с миром, в котором он прожил многие годы до этого и к которому привык, он действительно знал, что семья теряет так необходимые в хозяйстве рабочие руки, а в некоторых случаях, может быть, даже последние. Поэтому красноармеец всеми возможными способами старался уменьшить своё волнение за оставленный дом. Таким общепринятым способом была связь с семьёй посредством переписки. Но такая форма таила в себе немалые опасности в деле армейской пропаганды и для государственной безопасности вообще, так как посредством её до красноармейца могла дойти нежелательная информация о реальном положении дел в деревне. И могли выявиться несогласия с содержанием той пропаганды и агитации, которую бойцы начинали воспринимать в армии. Поэтому за перепиской, как исходящей, так и приходящей в армию, был установлен жёсткий контроль. Подробного отчёта о содержании этой переписки, к сожалению, найти не удалось. Сохранилась политическая сводка по 14-й кавалерийской дивизии, направленная начальнику политуправления Московского военного округа за июль 1924 года. В сводке отмечалось, что молодые бойцы постепенно свыкались с казарменным бытом и писали домой меньше, также меньше жаловались на тяжести службы [3, д. 2561, л. 73]. О содержании переписки известно только то, что письма домой от обеспокоенных слухами о неурожаях красноармейцев были переполнены вопросами о состоянии урожая, цен на хлеб и т.д. И, как далее было отмечено в сводке, по этому вопросу были проведены беседы, после чего настроение красноармейцев улучшилось [Там же].

Имелся и другой способ осуществления связи с домом, который в отличие от переписки проконтролировать было значительно труднее, это красноармейцы-отпускники. Вообще, старослужащие – это особая форма красноармейцев, которые хотя и находились в армии, мысленно уже пребывали дома. Политическая сводка 14-й кавалерийской дивизии характеризовала старослужащих как бойцов настроенных демобилизационно, интересующихся только сроками увольнения и тем, в какой форме будут уволены [Там же]. Итак, старослужащие красноармейцы, возвращаясь из кратковременных отпусков, жаловались на непорядки на местах и на непредоставление льгот их семьям. Конечно же, в целях успокоения красноармейской массы обо всех неполадках сообщалось в соответствующие парткомы, а в особо важных случаях – в прокуратуру [Там же].

В фонде редакции газеты «Тамбовский крестьянин» сохранилось письмо от красноармейца, уроженца Покровско-Пригородной волости Тамбовского уезда. В письме он благодарил редакцию за высылку номеров газеты во Владикавказ, где он служил. Он рассказывал, как все «Тамбовские» собирались и читали в газете новости об урожае и жизни в деревне [5, д. 27, л. 44]. То, что крестьяне посылали просьбы о высылке газет в редакцию газеты, могло свидетельствовать либо о том, что других источников новостей у них не было, например, из-за того, что никто из родных не мог прислать письмо по причине неграмотности. Возможно, также не было нового пополнения в армии из земляков, которые могли бы рассказать о положении в родной губернии. Возможно, газеты были источником информации, который поощрялся командованием и политруками, так как нес идеологически выверенную, официальную информацию. В конце концов, у красноармейцев просто могло быть воспитано доверительное отношение к информации из газет, так как под действием пропаганды они привыкали считать всё официальное, исходящее от государства единственной правдой.

Письма красноармейцев в газеты могут служить одним из основных источников сведений о жизни в армии. Однако к этому источнику следует относиться с некоторой долей скептицизма, так как они были (и красноармейцы это сознавали) в некотором роде письмами во власть, для всеобщего ознакомления, и не могли содержать критики существующей обстановки. Их авторы, возможно, понимали, что если бы даже их послания содержали какие бы то ни было «неудобные» высказывания, то всё равно не были бы напечатаны, а в случае сообщения редакцией газет армейскому начальству вызвали бы репрессии по отношению к авторам.

Следует отметить, что все письма, дошедшие до нас в составе фонда редакции газеты «Тамбовский крестьянин», относятся к 1926 году. Первая тема, характерная для нескольких писем, – это осознание своего «отсталого» состояния до прибытия на службу, и, напротив, подчёркивание благоприятного воздействия армейской службы на личность красноармейцев. Так, красноармеец 22-х лет повествует, как со своими товарищами жил дома в деревне, «не видел и не слышал ничего хорошего». Но по прибытии в Красную Армию они встретили новую жизнь, которая у них «развязала глаза, завязанные тёмным платком буржуазного строя». Молодой боец рассказывал, как по прибытии его с товарищами в казарму их с большой радостью встретили командиры, при этом автор отмечал какие они, молодые красноармейцы, были оборванные, грязные и в лохмотьях. Красноармеец вспоминал, как командиры, говорили им (новобранцам), что они уже не будут такими, какими приехали из деревни, в чём он и убедился, прожив месяц в казарме [Там же, д. 44, л. 52]. Другой красноармеец – уроженец с. Серебрякова Липецкой волости, находясь в школе при военной академии имени Фрунзе, вспоминал, как он со сверстниками «жил в деревне, в темноте и видел мало хорошего». Но когда их забрали в армию, одели, обули и стали учить, он увидел, что «насталась новая, интересная жизнь». В казарме

их встретили радостно. Командиры обещали им, что через два года они станут неузнаваемыми. В заключение красноармеец замечал, что с каждым днём приобретал больше знаний [Там же, л. 51]. Красноармеец, уроженец Тамбовского уезда, писал из Владикавказа, с места своей службы, что пошёл с товарищами в армию тёмным, с религиозными предрассудками в голове, мало знали о коммунистической партии, но через четыре месяца «отрешился от попов и Богов» [Там же, д. 27, л. 44].

Другой мотив, звучащий в письмах, – это подчёркивание образовательной функции армии и мечты о будущем, которое станет возможным благодаря армейской службе. Красноармеец Сачков 1903 года рождения, учащийся в школе лётчиков-испытателей в Ленинграде, рассказывал, как их, призывников, с первых же дней в армии разбили на группы для учёбы. Он восхищался преподавателями, которые, по его словам, все силы отдавали обучающимся, но и все красноармейцы не отставали – старались и «взялись за учёбу с жадностью». В заключение он обещал через два года вернуться в деревню и не только винтовкой уметь владеть, но и с общественной работой справиться [Там же, л. 40]. Позже этот же красноармеец Сачков, уроженец Тамбовской губернии, написал ещё одно письмо в редакцию газеты «Тамбовский крестьянин», которое озаглавил «И крепче возьмём винтовку в руки; и сильнее будем учиться учёбе». В своём послании, он высказывал надежду «приехать после службы домой хорошо развитым и идейно работать во всех организациях, при этом никогда не забыть заветы великого и мудрого, всего мира учителя пролетариев вождя, товарища Ленина» [Там же, л. 41]. Уже упомянутый красноармеец, служивший во Владикавказе, рассказывал, что в армии каждый учится военному делу и участвует в работе множества кружков. А в заключение письма он утверждал, что по прохождении службы он с товарищами разбирается во многих вопросах, читает книги, журналы и газеты и обещал вернуться с товарищами не тем, каким уезжал, и сумеет направить работу в деревне по-новому [Там же, л. 44].

Все письма не позволяют сомневаться в их авторстве, так как содержат множество орфографических ошибок и не могли быть составлены редакторами газет. Кроме того, например, письмо красноармейца Сачкова содержит обращение к редактору газеты, в котором он просит лучше расшифровать содержание письма, – «по тому, что нескладно» [Там же, д. 44, л. 41]. Следует отметить, что все письма, хотя места службы их авторов находились за тысячи километров друг от друга, содержат похожие высказывания, которые следует считать «штампами» военной пропаганды. Приведённые выдержки из письма, хотя и не могут претендовать на роль воплощения мнения красноармейской массы, определённо являются выразителями воззрений её части. Трудно сказать, что побудило красноармейцев к написанию таких писем. Возможно, авторы писем желали получить одобрение командующих, а возможно, искренне выражали своё мнение об армии. Тем не менее, представляется неразумным игнорировать эти свидетельства о красноармейской действительности, полученные из первоисточников – красноармейских писем.

Армейская служба, как мы уже отмечали, была призвана не только и не столько подготовить обученного бойца, сколько являлась институтом социализации. Нами уже была рассмотрена агитационно-пропагандистская сторона армейской подготовки. Существовала ещё одна очень важная функция армии – это распространение посредством демобилизованных красноармейцев различного рода знаний в деревне. Отслуживший красноармеец должен был стать носителем тех знаний, которые он получил во время прохождения службы и выступать своего рода политработником в родной деревне. Такой подготовленный армейской пропагандой «агитатор» мог при надобности разъяснить линию партии своим односельчанам, кроме того, он становился носителем знаний по гигиене, сельскому хозяйству, политике и многому другому. К красноармейцу, возвратившемуся домой из армии, было гораздо больше доверия, чем к заезжим агитаторам, кроме того, отслуживший армию крестьянский парень, умевший писать и читать, уже по-другому разговаривавший, вызывал доверие как знающий человек и своеобразный заступник перед государством.

В армии, имея в виду такое будущее применение красноармейцев, соответствующим образом подготавливали бойцов. Поскольку задумывалось именно строительство прогрессивной деревни, будущим демобилизованным следовало давать современные знания. Модернизации подлежал весь крестьянский мир вплоть до знаний о сельском хозяйстве. Следовало научить их более эффективному землепользованию. Именно с этой целью из 14-й кавалерийской дивизии в 1923 году подбирались делегаты на всероссийскую сельскохозяйственную выставку, проходящую в августе-октябре в Москве [4, д. 1, л. 104]. С этой же целью в 1925 году среди демобилизованных сводного 7-го железнодорожного полка проводились четыре экскурсии в хозяйство Мичуринска, где они знакомились с наилучшими методами ведения сельского хозяйства [Там же, д. 1680, л. 92]. Народный комиссариат здравоохранения направлял Тамбовскому губернскому отделу здравоохранения указания по проведению агиткампании среди красноармейцев 1901 года рождения перед их демобилизацией. Так, наркомат здравоохранения предписывал, «учитывая роль, какую отпускные красноармейцы могут сыграть в деле распространения в деревне тех санитарных знаний и навыков, которые они получили и усвоили в Красной Армии», разъяснить красноармейцам их задачи в деревне как распространителям санитарной культуры [6, д. 682, л. 6].

Вся процедура подготовки к демобилизации была точно спланирована. Например, каждому демобилизованному из Козловского уезда выписывали «Крестьянскую газету» на 1 месяц и каждого снабжали литературой (земельным кодексом и т.п.) [2, д. 1680, л. 98]. В 1925 году демобилизованным красноармейцам 7-го железнодорожного полка, был сообщён наказ от уездного комитета РКП(б), в котором говорилось: «Дорогой товарищ, деревня ждёт тебя, ты будешь в ней передовым и должен сообщить ей всё то важное, что узнал в Красной Армии и что там необходимо знать каждому крестьянину» [Там же, л. 196].

И действительно, демобилизованные красноармейцы находили себе применение в жизни «на гражданке». Как сообщала в 1925 году «Крестьянская газета», в сельских выборах активно участвовала молодёжь,

в основном комсомольцы. Однако в некоторых сёлах комсомольцев совсем не выбирали, говорили, что «молоко на губах не обсохло», но во множестве избирали демобилизованных. Крестьяне объясняли это тем, что «они отстаивали наши интересы на фронте, отстают и на советской работе» [5, д. 4, л. 68]. А в Токаревской волости, как сообщала та же газета, во время перевыборов в сельсовет среди кандидатов было 173 демобилизованных красноармейца [Там же, л. 95]. Из приведённых свидетельств видно, что бывшие бойцы Красной Армии во множестве стремились на партийную работу. В политическом письме ответственному секретарю губернского комитета в 1925 году по итогам материалов, поступающих от местных ячеек ВКП(б), приводилось объяснение «бурной» политической активности бывших красноармейцев. По мнению, высказанному в письме, революционно настроенные красноармейцы, попадая в свою деревню, сразу замечали своё одиночество и не могли найти собеседников. Они решали вступить в партию, работу которой они видели в армии [3, д. 2225, л. 39]. На рассмотренных примерах видно, что государственные идеологи армейской пропаганды отчасти достигли своей цели сделать армейскую службу «кузницей кадров» для сельской политической элиты.

Почти все сферы жизни красноармейцев были пронизаны агитацией и пропагандой. Это позволяет сделать вывод о том, что изменение менталитета крестьян во время военной службы было важнейшей задачей государства. Это не всегда понимали командиры на местах, уделяя большее внимание физическому развитию и приобретению военных навыков. Однако усилиями военной пропаганды удавалось перевернуть мировоззрение некоторых красноармейцев-крестьян. И встречающиеся во время армейской службы невзгоды становились помощниками пропагандистов, помогая закалить и воодушевить бойцов на борьбу с внутренними и внешними врагами, по вине которых они якобы терпели лишения. Эта перемена в сознании некоторых красноармейцев особенно видна на примере красноармейских писем. Доказательством успешности армейской пропаганды может служить рост политической активности у демобилизованных красноармейцев. Красноармейцы изменялись не только на словах в их письмах, но и на деле, когда возвращались со службы в деревню. Всего за несколько лет армейской службы личность крестьянских парней претерпевала значительные изменения, что позволяет говорить об армии, как об одном из ключевых институтов социализации.

Следует заметить, что почти все приведённые красноармейские письма, свидетельствующие об изменении мировоззрения бойцов, получены от ребят, служащих вдалеке от Тамбовской губернии. Поэтому следует отметить, что важнейшим фактором, влияющим на успешность пропаганды, является ограничение и контроль за получаемой извне информацией. Красноармейцы могли не получать писем из дома по причине неграмотности родственников. В этих условиях единственным источником новостей для них становились красноармейцы, вернувшиеся из отпусков, или новобранцы. Вдалеке от родных мест красноармейцы могли на долгие годы лишиться и этого источника информации. Служа в подобной информационной блокаде, красноармейцы с лёгкостью воспринимали политическую пропаганду. Вторая причина успешности пропаганды заключается в возможном наличии более комфортных условий жизни в местах службы красноармейцев.

Пропаганда была успешней тогда, когда удавалось максимально контролировать поступающую извне информацию. Стоит заметить, что почти все свидетельства о благоприятном воздействии армии получены от красноармейцев, служащих вдалеке от дома. Возможно, до них не доходили новости об обстановке в деревне, поэтому препятствий для агитации не было. Пропаганда была успешной тогда, когда удавалось максимально изучить психологию бойца и коллектива казармы в целом. Пропаганда была наиболее сложной среди новобранцев, у которых ещё была велика мысленная связь с домом.

Представления крестьянского парня об армии, во многом формировались под действием всевозможной политической агитации. Но первые демобилизованные из армии красноармейцы, возвращаясь домой, несли уже свои собственные впечатления об армейской жизни, которые иногда не совпадали со словами «агиток».

Список литературы

1. **Бобкова Е. Ю.** Основные методологические подходы к изучению проблем политического воспитания личного состава вооружённых сил советского государства в отечественной историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4. Ч. 2. С. 19-22.
2. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО).** Ф. 834. Оп. 1.
3. **ГАСПИТО.** Ф. 840. Оп. 1.
4. **ГАСПИТО.** Ф. 8339. Оп. 1.
5. **Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).** Ф. Р-1500. Оп. 1.
6. **ГАТО.** Р-1512. Оп. 1.
7. **Дик А. А., Слезин А. А.** Обзоры политических настроений как источники по изучению социально-политической истории 1920-х годов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. 2005. Т. 11. № 4. С. 1044-1046.
8. **Рожков А. Ю.** В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов: в 2-х т. Краснодар: Перспективы образования, 2002. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 208 с.
9. **Слезин А. А.** «Миру крикнули громко...». Тамбов: ИПЦ ТГТУ, 2002. 146 с.
10. **Слезин А. А.** Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 3. Ч. 2. С. 179-184.
11. **Слезин А. А., Чеботарев С. А., Провалова Л. В. и др.** Тамбовский комсомол: грани истории. 1918-1945. Тамбов: Пролетарский светоч, 2008. 467+48 с.
12. **Фрунзе М. В.** Единая военная доктрина и Красная армия // Красная Новь. 1921. № 1. С. 94-106.

**AGITATIONAL AND PROPAGANDISTIC WORK OF WORKERS AND PEASANTS' RED ARMY
IN THE 1920S – EDUCATION OF “SOVIET MAN” (BY MATERIAL OF TAMBOV PROVINCE)**

Dik Anton Arturovich, Ph. D. in History
Tambov State Technical University
dick_an@mail.ru

The article is devoted to the study of the basic forms and directions of educational work in the Workers and Peasants' Red Army units of the first –soviet” decade. The author considers the realization methods of military and political propaganda, anti-religious and Komsomol agitation, and the spread of medical and agricultural knowledge. The article reveals the substantive problems and deficiencies of educational work. The conclusion about the changes in the mentality of the Red Army soldiers, the extent and reasons of propaganda and educational work success is made basing on the analysis of peasants and the Red Army soldiers' letters.

Key words and phrases: agitation; political propaganda; Komsomol propaganda; political activity; the Red Army soldiers' letters.

УДК 783.7

Искусствоведение

В данной статье анализируется состояние тамбовской народно-певческой традиции на период начала XXI века. В центре внимания оказывается наиболее сохранившийся жанр частушки, который рассматривается в контексте преобразования. В статье обобщается эмпирический опыт анализа музыкально-стилистических особенностей, накопленный в ходе проведения фольклорно-этнографических экспедиций по Тамбовской области. Автор приходит к выводу, что тамбовская частушка занимает устойчивую позицию в репертуаре современных народных исполнителей и успешно эволюционирует.

Ключевые слова и фразы: народно-певческая традиция; музыкальный фольклор; жанр «частушка»; анализ; классификация жанра.

Друцкая Мария Владимировна

Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. В. Рахманинова
druckaja@gmail.com

**ЧАСТУШКА И ЕЁ ЖАНРОВЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТАМБОВСКОЙ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ)[©]**

Автор статьи на протяжении ряда лет занимается изучением современных жанров фольклора. Осуществлённые фольклорно-этнографические экспедиции позволили подробно рассмотреть различные явления традиционной культуры Тамбовской области. В частности, анализ локальной народно-певческой традиции, представляющий органичный синтез музыки, слова и инструментального сопровождения, фиксированный (в реальном звучании) в период 2012-2013 гг. на примере отдельно взятого региона выявил, что частушка устойчиво и повсеместно функционирует на территории Тамбовской области, являясь живым, развивающимся жанром современного фольклора.

Отсутствие должного внимания к синкретической природе фольклора и недостаточная изученность народно-певческой традиции Тамбовской области обусловили необходимость обращения к данной проблеме.

Частушка в народной культуре сложилась в 70-е гг. XIX века. В настоящее время доминирующая в народном творчестве региона, она занимает особое место в репертуаре народных исполнителей.

Классификация жанра является непростой задачей в силу быстрой смены репертуара частушечников и множества существующих вариантов. В фольклористике наиболее традиционными принципами классификации частушки являются тематический и хронологический. В локальных системах принят географический принцип объединения частушек. Её изучением, придерживаясь тематической классификации, занимались В. И. Симаков (Ярославль), Д. К. Зеленин (Вятка). Н. П. Колпакова выделяет четыре типа частушек: собственно частушка, плясовая, «Семёновна», «Страдания» [4].

Особенность функционирования современной частушки («частой песни») тамбовской народно-певческой традиции состоит в подразделении на внутрижанровые разновидности. В рассматриваемой локальной традиции имеется множество местных наименований частушечного жанра, часто они являются точным определением разновидности: «Матаня», «Страдания», «Страдания с припевом», «Переборы», «Алгасовские переборы», «Кирсановские припевки» или «Кирсанёнка», «Досада», «Канарейка», «Елецкого», «Шамиля», «Шармач». К узколокальным формам, которые реже встречаются в исполнении, относятся «Русская канарейка», «Базар большой», «Елецкие припевки», «Уваровские припевки» [1, с. 130]. Такая совокупность формирует на территории Тамбовской области традицию, отличающуюся «набором» жанровых видов частушки, за названиями которых нередко стоят одинаковые явления и формы.

[©] Друцкая М. В., 2013